

СУББОТНИЙ ГОСТЬ «ОРЛОВСКОГО КОМСОМОЛЬЦА»

ОТКУДА ПРИХОДИТ К НАМ РАДОСТЬ...

— Вы знаете, встреча с вашим театром делает человека счастливым!

Это не комплимент. Это благодарность за вечер радости, за ощущение истинности и подлинности искусства... Я благодарю одного из тех, кому обязана этим чувством, — главного режиссера Государственного центрального театра кукол народного артиста СССР Евгения Вениаминовича Сперанского.

О многом хочется поговорить с этим человеком. Но время торопит, но вечером у него опять спектакль, и я задаю лишь самые необходимые вопросы, хотя немного пытался понять, откуда же приходит к нам радость, какими людьми, каким трудом высекаются ее искры.

— Евгений Вениаминович, ваш театр был в Орле десять лет тому назад. И тогда, как сейчас, вы привозили спектакль «Необыкновенный концерт». Изменился ли за эти годы?

— Разумеется. Иначе бы «Необыкновенный концерт» стал «обыкновенным». Спектакль значительно обновился. Осталась идея — против пошлости в искусстве, против штампов, дурного вкуса, себялюбия. Но нас не удовлетворил внешний вид кукол. Они были слишком детализированы, слишком очеловечены. А время требовало новых форм, оно подгоняло и объясняло. И куклы стали более условными внешне, сохранив при этом внутреннюю характерность образа.

Появились и новые номера. Мы побывали с концертами в Италии, Франции, Индии и других странах, привезли оттуда не только множество впечатлений, но и дополнения к спектаклю. Мари Жюдь, латиноамериканское трио, конкретная музыка — все эти пародии вошли в «Необыкновенный концерт», сделав его более современным и интернациональным.

Но не хотелось бы, чтобы зрители восприняли эти пародии как полное отрицание новых течений в искусстве Запада. Во Франции есть прекрасные эстрадные певцы, по сути и те, кто занимается профанацией этого жанра, пользуясь капризами моды. Мы видели в исполнении канадских актеров балет «Мамаша Кураж». В нем звучит конкретная музыка, и это оправдано и интересно. Но мы видели и «гримасы» конкретной музыки, ее попытки заслонить собой всю музыкальную культуру человечества. Эти отрицательные моменты и стали объектом нашей сатиры.

— Поскольку мы заговорили об объекте сатиры, то непременно нужно выяснить, кто же ваши враги и друзья. Что отщипает театр и есть ли у него положительный герой?

— С самого начала, с рождения нашего театра было определено его место — сатирикой пошлости во всей ее многоликости, бюрократизм во всех его проявлениях. Это враги умные, хитрые, умеющие приспосабливаться и выживать.

А положительный герой... Вряд ли можно говорить о каком-то конкретном образе, учитывая специфику кукольного театра. Но, письменная темная, мы утверждаем светлое, и в этом утверждении — стремление к идеалу. Когда мы добиваемся точной реакции зрителей, когда зритель становится нашим сторонником, то в этом тоже положительный заряд спектакля.

— Вы знаете, Евгений Вениаминович, мне очень хочется задать вам вопрос, который трудно четко сформулировать. Но ведь, наверное, есть такая проблема — куклы и люди?

— Да, на этот вопрос не ответить однозначно и сразу. Вообще в своих куклах мы стараемся оттолкнуться от внешней похожести на человека. Условность облика куклы позволяет с наибольшей остротой выявить сущность характера. Кроме того, театр кукол обладает возможностью передать образ человека через вещи, которые вдруг оживают, говорят, двигаются.

Но есть и другая сторона — когда человек и кукла становятся на равных. Человек играет вместе с куклой. Это прием давно известный и распространенный. В нашем театре он использован во многих спектаклях. В частности в «Ноевом ковчеге». Господь Бог, Дьявол и Архангел Михаил — не куклы, а люди. И в «Игого» профессор Фаустов и корреспондентка Маргарита — тоже актеры, которые вместе с куклами появляются над сценой. Игра человека с куклами, их взаимное дополнение придает спектаклю своеобразия, перед зри-

телем несомненно открывается «кухня» театра.

И еще один аспект проблемы «человек и кукла». Иногда приходит к нам талантливые актеры из драматического театра. На первых порах все хорошо, но вот наступает момент «оживления» куклы, который для многих становится непреодолимым барьером.

Мне кажется, что у актера-кукольника должен быть особый душевный склад. Он проявляет себя в свойствах, песнями отдаленных от театра кукол. В любви к инсценировкам, например, когда человек понимает и ценит сказки Андерсена, «Маленького принца» Экзюпери. Или в обостренном чувстве фантазии. Как говорит С. В. Образцов: «Человек, сказавший «башмак каша просит», был первым кукольником».

— Мы всегда получаем от театра лучшее, видим результат актерского труда — странный, отшифрованный спектакль. И все-таки нас манят тайны вашей профессии. А как это делается, как рождается сказка? Наверное, это интересно узнать каждому, сидящему в зале.

— Все начинается с темы, а тему обычно ищем мы сами и потом подсказываем ее драматургу. Как-то мы собрались и стали думать над темой следующего спектакля, он должен был быть смешным и серьезным одновременно. И я предложил поставить нечто под странным названием «научно-популярная феерия», как-то основы сюжета я уже видел. Молодой ученый Фаустов открывает новые частицы — ух-троны, ах-троны и эх-троны. Комбинация этих частиц вызывает к жизни дьявольские силы, которые потом проникают в человеческое общество.

Тема была найдена, а потом была написана пьеса, а потом появился спектакль «Игого». Мне хотелось, чтоб это была не только сатира. Пьесой мне хотелось сказать о том, какая сложная вещь — жизнь и как она достойна борьбы.

Пьеса написана... А потом много раз обсуждена. И переделана. И опять переделана. Это очень трудный процесс — писать «кукольные» пьесы. Даже для нас, людей, знающих специфику театра кукол.

— Скоро вашему театру исполнится сорок лет. Для многих кукольных театров в нашей стране и за рубежом он является примером подражания, мудрым учителем. Но ведь у вас тоже есть наставники?

— Мы учились у старого русского Петрушки. Учились лаконизму и динамике, пластике движений и остроте шуток. Разумеется, мы пошли дальше, у нас появились «думающие» куклы. Мы доказали, что и в кукольном театре возможна наравне с эксцентричностью психология.

— И последний вопрос, Евгений Вениаминович. Что для вас значит работа в этом театре?

— Все. При мне он начинался, в тридцать первом году, тогда у нас не было ни своих авторов, ни своих композиторов, но было огромное желание работать. Ради театра я оставил солидную профессию научного сотрудника библиотеки Государственного архива. Почти сорок лет — от первой бессловесной роли музыкальной собаки в спектакле «Джим и доллар» до творческих работ по кукольному театру.

Здесь, в этом театре, и стал драматургом. И хотя трудно сказать, что мне больше нравится — играть или писать пьесы, — но и то и другое возможно только благодаря нашему театру, только в нем и для него.